

НОВАЯ РЕФОРМА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: «ЦИФРОВИЗАЦИЯ» И ПРОФЕССУРА

NEW REFORM OF OUR HIGHER EDUCATION:
«DIGITALIZATION» AND PROFESSORSHIP

Литвак Николай Витальевич, доцент кафедры философии им.
А. Ф. Шишкина МГИМО (У) МИД РФ, кандидат социологических наук,
jourfr@mail.ru
Nikolay LITVAK, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor at
Department of philosophy, Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
jourfr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются философско-социальные аспекты новых инициатив в области высшего образования в России по замене он-лайн лекциями традиционных лекций, читаемых преподавателями. В условиях, когда не ясен результат «цифровизации» образования, её цели и даже то, что она такое есть в социальном плане кроме использования компьютеров вместо книг, предлагается отказ от дающих результат методов преподавания в пользу использования новых инфокоммуникационных технологий. Сами по себе любые технологии, в т.ч. цифровые, не несут никакого ценностного содержания. Им их наполняет социальная и политическая деятельность людей. В этой связи проблемы российского высшего образования нуждаются в более чётком определении как социальные, политические, философские, с тем, чтобы любым технологиям было затем определено место, необходимое и подходящее для их решения. Образование, согласно действующим правовым документам, имеет целью подготовку специалиста и члена общества, т.е. его обучение и воспитание. Предлагаемая замена учебников на записанные и предлагаемые онлайн курсы никак не объясняет, почему студенты, не читающие учебники, станут смотреть и изучать видеозаписи. В тоже время воспитание человека, способного учиться самостоятельно, независимо от того, на каком носителе зафиксированы знания, это и есть работа преподавателя со студентами в вузе.

Abstract. The article discusses the philosophical and social aspects of new initiatives in the field of higher education in Russia to replace traditional lectures with on-line lectures. In conditions when the result of «digitalization» of education is not yet clear, its goals and even the fact that it is socially other than using computers instead of books, it is proposed to abandon the resultant teaching methods in favor of using new information and communication technologies. By themselves, any technology, incl. digital, do not carry any value content. They are filled with social and political activity of people. In this

regard, the problems of Russian higher education need to be more clearly defined as social, political, philosophical, so that any technology will then be determined the place necessary and appropriate to solve them. Education, in accordance with current legal documents, has the goal of training a specialist and education a member of society. The proposed replacement of textbooks with online courses does not explain why students who do not read textbooks will start watching and studying video recordings. At the same time, the upbringing of a person who is able to learn independently, regardless of the medium in which the knowledge is recorded, this is the goal of work of the academic with students at the university.

Ключевые слова: высшее образование, цифровизация образования, онлайн лекции, воспитание.

Key words: higher education, digitalization of education, online lectures, education.

Недавние скандалы с аккредитацией вузов и, как оказалось теперь, вызванная ими реформа соответствующих *госорганов*, что следует из хронологии событий и подачи их журналистами, произошли с *частными вузами*. И им, похоже, удаётся победить государство, регулирующее отечественное высшее образование. Т. е. вместо того, чтобы привести себя в соответствие с государственными требованиями, которые, очевидно, создавались не одними чиновниками, затронутые проверками вузы сумели организовать «приведение в порядок» государства в соответствие со своими представлениями об образовании. Конечно, речь идёт не только о двух наиболее упоминаемых случаях, а о реальных «властителях» современного российского образования, которые воспользовались этими событиями как предлогом для реализации своих планов (Лишённые Рособнадзором аккредитации в 2017 г. Европейский университет в Санкт-Петербурге и в текущем, 2018 г. — Московская высшая школа социальных и экономических наук). Тем не менее, фактически дело обстоит именно так. И то, что прежде всего вызывает сомнение, это как раз *навязывание* очередной реформы университетской среде, пусть и под прикрытием межведомственной комиссии, частной инициативы (что само по себе не плохо) остальным участникам процесса, государству и обществу в целом. Именно об этом немедленно и заявили опрошенные журналистами ректоры [1].

Сами по себе реформы это не ругательное слово, и любой, в т.ч., конечно, и существующий порядок аккредитации вузов, вряд ли может быть идеальным, подлежит улучшению. Вопрос аккредитации вузов и вообще образования как системы — это крупные и сложные вопросы, которые идеально не решены пока нигде в мире. Из опубликованных предложений инициаторов реформы,

озвученных, в частности, руководством ВШЭ, известно, что предлагается заменить государственный Рособрнадзор «уполномоченными федеральными учебно-методическими объединениями совместно с профильными советами по профессиональным квалификациям, с привлечением представителей работодателей и профессионального образовательного сообщества» [8]. Предлагается осуществлять мониторинг деятельности образовательных организаций и составлять, публичный и понятный, в т.ч. абитуриентам и работодателям, рейтинг образовательных программ, «полностью лишённый элементов субъективной оценки как чиновников, так и экспертов», — как надеется Я. Кузьминов. Планируется, что «работодатели совместно с Рособрнадзором» будут проводить «выборочные проверки качества подготовки в виде независимого тестирования студентов второго-третьего курсов по пяти-шести ключевым предметам профессиональной образовательной деятельности» [8].

Кроме того, значительное место в реформе уделено «цифровизации» учебного процесса. Тот же ректор ВШЭ Я. Кузьминов рассказал, что уже созданная правительством межведомственная рабочая группа из представителей Минобрнауки, Рособрнадзора, Национального совета по профессиональным квалификациям, вузовского сообщества и объединений работодателей, обсуждает изменение системы государственной аккредитации вузов в направлении создания трёх типов аккредитации — базовой, продвинутой и ведущей, отличающихся отношением к он-лайн лекциям: «Базовый [уровень] будет предполагать, что вуз должен значительную часть курсов реализовать в сетевой форме, когда вместо традиционных лекций будут онлайн-курсы Национальной платформы открытого образования», т.е. использовать курсы, подготовленные ведущими вузами. Продвинутая аккредитация предполагает, что вуз может все курсы готовить своими силами. «А обладатели аккредитации ведущего университета будут иметь её только в том случае, если они обяжутся все свои базовые курсы по профильному направлению и значительное число курсов по выбору реализовать в онлайн-форме и сделать доступными для широкой аудитории» [8]. Т.е. базовые вузы должны будут заместить преподавание значительной части предметов онлайн-курсами, которые разработают для них и для себя, конечно, ведущие вузы. Сама Высшая школа экономики, как заявил её руководитель, планирует в течение пяти лет полностью отказаться от чтения лекций в пользу записей онлайн-курсов. Правда, объяснение, которое Я. Кузьминов в этой связи дал, на наш взгляд ничего не объясняет. Он заявил,

что посещаемость традиционных лекций во *всех вузах* сегодня невелика (по его данным 15–17%), что «коэффициент полезного действия у таких лекций даже в «Вышке» низкий. Это никому не нужно, это профанация». А из-за высокой аудиторной нагрузки у преподавателей не хватает времени ни на их качественную подготовку, ни на исследовательскую работу. Но время это появится, когда они свои лекции запишут и выложат в сеть. Это же якобы и повысит вовлечённость студентов, и поднимет качество университетского образования в целом [3]. При этом ректор признал, что эта идея вызвала «очень большое сопротивление» у преподавателей его собственного вуза, не говоря уже о других. Но поэтому Я. Кузьминов дал понять, что внедрение онлайн-курсов в российскую образовательную систему может быть ... «не только добровольным» [3]. Показательно, что и ректор частного Европейского университета в Санкт-Петербурге В. Волков, по поводу которого в прошлом году и начался скандал, назвав инициативу ВШЭ «очень современной», высказался, что «пока точно неизвестно, насколько результативен полный отказ от очных лекций» [3]. Зато отметим, что у лидера всех технологических нововведений, включая образовательные, а также и, крупнейшего в течение последнего столетия мирового импортёра квалифицированных кадров, прежде всего, научных и преподавательских, — США пока никакого отказа от «живых» лекций не наблюдается. Наоборот, за право учиться у лучших преподавателей, хотя и они записывают некоторые свои лекции, требуется дорого заплатить в прямом смысле слова, а также и в переносном — сдать несколько очень сложных экзаменов для поступления в элитные вузы. Принимая во внимание важность вопроса, следовало бы провести для обоснования такого рода и значения реформы полномасштабное социологическое исследование. Тем более, что сегодня как никогда имеющиеся инфокоммуникационные технологии позволяют делать это быстро и с минимальными затратами.

Но в связи с чем в действительности выдвинуты все эти предложения? Публичные отклики участников процесса обозначают не только целую палитру мнений, но и сомнения, и проблемы, которые по большей мере пока не высказываются, а может быть даже и не осознаются. Оставив в стороне вопрос о посягательстве на автономию университетов и вузов вообще, обратим внимание на существо проблемы «живого» преподавания и его «цифровизации», подаваемой как замену лекций записанными предварительно он-лайн лекциями. Идея о возможности «полностью» избежать субъективности контроля, осуществляемого людьми, требует пояснения, что именно её авторы вообще имеют в виду. Речь мож-

но вести не об устранении субъективности, а об ответственности «субъектов», людей, да и то с учётом некоторых обстоятельств (экзамен для любого человека, тем более молодого, второкурсника, это стресс, прочность знаний проявляется со временем, она может быть пассивной, фундаментальные и прикладные знания это не одно и то же, но работодателю нужно решать текущие проблемы, и т.д.). Начальник управления надзора и контроля за организациями, осуществляющими образовательную деятельность, Рособнадзора С. Рукавишников прокомментировал это так: «Если мы посмотрим на корпус экспертов, то увидим, что это сотрудники федеральных университетов, НИИ, научных организаций, которые подтвердили квалификацию и знания контрольно-надзорной деятельности. Если бы коллеги из ВШЭ захотели принять участие в этой работе, они вправе это сделать после соответствующих испытаний» [3]. А вот предложение выборочного тестирования второкурсников при «обеспечении контроля за заполнением тестовых форм, аналогичного ЕГЭ» [7], очевидно, исходит из недоверия к системе зачётов и экзаменов в, будем надеяться, конкретных вузах, возможности получения там оценок и дипломов при отсутствии необходимых знаний. То, что ЕГЭ в этом смысле никакой гарантии не даёт, показывает удивление чиновников результатами некоторых российских регионов, где уровень золотых медалистов превысил 10% всех выпускников. Т. е. распространение такого опыта на вузы может породить только соответствующую волну «краснодипломников». Предположим, что инициаторы этой реформы не видят связей между другими элементами и этапами образовательного процесса, в частности, школой и её системой оценок, ЕГЭ, «болонской системой», воспитательным и ценностным компонентами образования, а также и социальными процессами, обществом в целом, в котором живут и дети и взрослые, и учащиеся и выпускники. Т. е., сокращая эту цепочку, — между нежеланием студентов ходить на лекции (даже в ВШЭ) и ЕГЭ. Но они при этом не приводят каких-либо масштабных сравнительных данных об превосходстве он-лайн лекций над лекциями обычными, притом, что он-лайн лекции и целые курсы уже некоторое количество лет практикуются, в т. ч. и ВШЭ. Не разъяснена и причина их большей эффективности, как то считают авторы реформы. Можно только предположить, что таким образом будут заменены (уволены, сокращены) работающие сегодня преподаватели, вместо которых несколько оставшихся сделают видеозапись своих, самых эффективных, надо полагать, лекций. Но что представляют собой такие «цифровые» лекции? Почему студенты, не читающие учебники, станут смотреть и изучать видеоза-

писи? Разработчики системы «Современная цифровая образовательная среда» обещают, что уже через несколько лет миллионы россиян будут полноценно учиться в интернете, однако при этом никак не поясняют, что им же мешает полноценно учиться сегодня? Неужели действия Рособнадзора? Конечно, он-лайн курсы разные — от простого зачитывания материала до его разбавления иллюстрациями и анимацией. Тем не менее, по существу это всё те же книги, учебники, только представленные в новой, мультимедийной форме. Уповать в таком случае на то, что не только на слух, но и визуально, тем более с компьютерными спецэффектами, можно вызвать у студента более сильные эмоции, которые улучшат запечатление в его памяти транслируемых знаний, да ещё и простимулированное отсутствием необходимости конспектировать (поскольку видеозапись можно легко копировать)? Есть и такой эффект, но он обращён всё к той же памяти. А проблема заключается в отсутствии интереса у студента. И она имеет под собой два основания. Во-первых, ЕГЭ и «болонская система» привели к отмене у нас выпускных школьных экзаменов и вступительных вузовских. В некоторых вузах по особому разрешению они в усечённом виде сохранились, но не идут ни в какое сравнение с теми, что были прежде. Про зачисление только по результатам ЕГЭ не стоит и говорить. Т. е. вузы больше не отбирают тех, кто может учиться — как по тому, что они смогли освоить необходимый для поступления материал, поняв его, так и по тому, что проявили при этом целеустремлённость и работоспособность. И восстановить такие экзамены сейчас объективно невозможно, потому что таких школьников в стране очень мало, и значительное количество вузов придётся закрыть. Про аналогичную ситуацию в школе мы уже писали. Её главная проблема в рассматриваемой контексте всё та же — рост количества детей, неготовых учиться и с которыми якобы ничего нельзя поделать. Она описана уже достаточно давно и определена как педагогическая: неумение «хотеть» и «уметь» есть явление культурной недостаточности, преодолеваемое педагогической работой. Тем не менее, в случае со школой налицо непонимание происходящего, что выражается и в месте учителя в обществе [5]. Теперь эта явление распространилось и на вуз, поскольку в него пришли те самые выпускники школ. Но вместо педагогической коррекции тех проблем, которые образовались в школе и, тем не менее, позволили ученикам посредством ЕГЭ попасть в вуз, предлагается педагогов исключить из образовательного процесса вообще (правда, ректор ВШЭ предполагает, что *по своему желанию* студенты всё смогут встречаться с преподавателями на семинарах). Живое общение это пошаговое,

позапное наблюдение взрослого за работой студента, усвоением, т. е. пониманием им материала, в т. ч. и на лекции, разъяснение возникающих трудностей, ответы на вопросы. Он-лайн курсы это другая форма всё той же книги. Качественно иное использование имеющихся инфокоммуникационных технологий это «уничтожение» *пространства* — возможность общения взрослых преподавателей и студентов-подростков удалённо. Перспектива также состоит во *временном* факторе — в занятиях с удалённым доступом могли бы принимать участие те студенты, кто может именно в это время, а другие — в другое.

Не стоит пока, во всяком случае, забывать и о Законе об образовании, на основании которого строится вся эта деятельность. Конечно, нельзя идеализировать и формулировки закона, которые тем более сами постоянно подвергаются изменениям их авторами. Тем не менее, они представляют собой ориентиры и положения, действующие сегодня, обязательные к исполнению. И, в частности, Статья 2 определяет, что «образование» понимается как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [9].

Между тем, обратим внимание на ещё один аспект реформы. Уже упоминавшийся В. Волков также обратил внимание и на «некоторый перекося», который может создать введение трёх типов аккредитации, поскольку «Если базовые университеты будут использовать до 70% материалов ведущих вузов, это ещё больше укрепит позиции последних... ведущий полностью сместит его с образовательного рынка и лишит возможности продолжать работу» [1]. Созданная отечественными реформаторами Международная образовательная конференция EdCrunch, в ходе которой были объявлены рассматриваемые инициативы, как поясняет её инициатор ректор МИСиС А. Черникова, «создавалась как площадка, на которой мы будем искать новые решения для наших детей, ... Потому что система образования наиболее чувствительно реагирует на быстро меняющийся мир... Сейчас уже просто невозможно один раз получить качественное образование на всю жизнь. На наших глазах уходят привычные профессии и возникают новые». Современность заклю-

чается в возможности для студентов «получить максимальный объём знаний из самых разных дисциплин». «Поэтому современный университет должен постоянно быть на связи с работодателями». «Для этой же цели мы создаем в университете двуязычную среду, ... разработали курс углубленного изучения английского языка». В результате перед таким выпускником «открыты двери для учёбы и работы на Западе» [6]. Т. е. российская школа реформируется по худшему американскому образцу, высшее образование — по «болонской системе», которую отвергли ведущие западные вузы, а вся образовательная система в целом всё более ориентируется на экспорт своей рабочей силы, на экспортное будущее своих детей [4].

А пока сложившаяся ситуация и её развитие очень напоминает недавнюю историю с Российской академией наук. Тем более, что открывший конференцию EdCrunch министр высшего образования и науки М. Котюков предупредил, что «Общие итоги конференции мы с вами сможем обсудить и интегрировать в реализацию крупных государственных задач. В первую очередь — государственную программу науки и высшего образования и в национальный проект «Образование»» [2].

Библиографический список

1. Вузы разделяют на три разряда. Коммерсантъ. № 182. 05.10.2018. С. 4.
2. Котюков: итоги «EdCrunch» можно интегрировать в нацпроект «Образование». РИА Новости. 01.10.2018. https://ria.ru/sn_edu/20181001/1529706683.html
3. Лекции переносят в онлайн-аудиторию. Коммерсантъ. № 179. 02.10.2018. С. 5.
4. Литвак Н.В. Языковой аспект в проблеме внутренней и внешнеполитической информационной безопасности // Международная жизнь. 2017. № 13. Специальный выпуск «Россия и информационная безопасность». С. 159–168.
5. Литвак Н.В. Школа: между инструментами и смыслами // Дети и общество: социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 23–24 октября 2014 г. М.: РОС, 2014. С. 151–158.
6. Образование готовят к переходу в интернет. Коммерсантъ. 06.10.2018. <https://www.kommersant.ru/doc/3760270>
7. Российским университетам принесли изменения. Коммерсантъ. № 185. 10.10.2018. С. 5.
8. Университеты хотят новых оценок. Коммерсантъ. № 113. 02.07.2018. С. 5
9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об образовании в Российской Федерации». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=304167&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6475805632519984#06088086005864077>